

Николай Минский
(1856 – 1937)

Ноктюрн

Полночь бьёт... Заснуть пора...
Отчего-то страшно спать.
С другом, что ли, до утра
Вслух теперь бы помечтать.

Вспомнить счастье детских лет,
Детства ясную печаль...
Ах, на свете друга нет,
И что нет его, не жаль!

Если души всех людей
Таковы, как и моя,
Не хочу иметь друзей,
Не могу быть другом я.

Никого я не люблю,
Все мне чужды, чужд я всем,
Ни о ком я не скорблю
И не радуюсь ни с кем.

Есть слова... Я все их знал.
От высоких слов не раз
Я скорбел и ликовал,
Даже слёзы лил подчас.

Но устал я лепетать
Звучный лепет детских дней.
Полночь бьёт... Мне страшно спать,
А не спать ещё страшней...

Она, как полдень хороша...

Она, как полдень хороша,
Она загадочней полночи.
У ней не плакавшие очи
И не страдавшая душа.

А мне, чья жизнь – борьба и горе,
По ней томиться суждено.
Так вечно плачущее море
В безмолвный берег влюблено

Два пути

Нет двух путей добра и зла,
Есть два пути добра.
Меня свобода привела
К распутью в час утра.

И так сказала: «Две тропы,
Две правды, два добра.
Их выбор – мука для толпы,
Для мудреца – игра.

То, что доныне средь людей
Грехом и злом сливёт,
Есть лишь начало двух путей,
Их первый поворот.

Сулит единство бытия
Путь шумной суеты.
Другой безмолвен путь, суля
Единство пустоты.

Сулят и лгут, и к той же мгле
Приводят гробовой.
Ты – призрак бога на земле,
Бог – призрак в небе твой.

Проклятье в том, что не дано
Единого пути.
Блаженство в том, что всё равно,
Каким путём идти.

Беспечно, как в прогулки час,
Ступай тем иль другим,
С людьми волнуясь и трудясь,
В душе невозмутим.

Их счастье счастьем отрицай,
Любовью жги любовь.
В душе меня лишь созерцай,
Лишь мне дары готовь.

Моей улыбкой мир согрей.
Поведай всем, о чём
С тобою первым из людей
Шепталась я вдвоём.

Скажи: я светоч им зажгла,
Неведомый вчера.

Нет двух путей добра и зла.
Есть два пути добра».

Волна

Нежно-бесстрастная,
Нежно-холодная,
Вечно подвластная,
Вечно свободная.
К берегу льнущая,
Томно-ревнивая,
В море бегущая,
Вольнолюбивая.
В бездне рождённая,
Смертью грозящая,
В небо влюблённая,
Тайной манящая.
Лживая, ясная,
Звучно-печальная,
Чуждо-прекрасная,
Близкая, дальная...

Моей вы вняли грустной лире...

Моей вы вняли грустной лире,
Хоть не моей полны печали.
Я не нашёл святыни в мире,
Вы счастья в нём не отыскиали.

Так рвётся к небу и не может
Достичь небес фонтан алмазный,
И душу нежит и тревожит
Его рассказ пересказный.

А рядом ива молодая
Поникла под напев унылый.
Её манит земля сырая,
Прильнуть к земле у ней нет силы...

В моей душе любовь восходит...

В моей душе любовь восходит,
Как солнце, в блеске красоты,
И песни стройные рождает,
Как ароматные цветы.

В моей душе твой взор холодный
То солнце знойное зажжёт.
Ах, если б я тем знойным солнцем
Зажечь твой взор холодный мог!

Есть гимны звучные, – я в детстве им внимал...

Есть гимны звучные, – я в детстве им внимал.
О, если б мог тебе я посвятить их ныне!
Есть песни дивные, – злой вихорь разбросал
Их звуки светлые по жизненной пустыне...
О, как ничтожно всё, что после я писал,
Пред тем, что пели мне в младенческие годы
И голоса души, и голоса природы!

О, если бы скорбеть душистый мог цветок,
Случайно выросший на поле битвы дикой,
Забрызганный в крови, затоптанный в песок, –
Он бы, как я, скорбел... Я с детства слышал крики
Вражды и мук. Туман кровавый заволок
Зарю моих надежд, прекрасных и стыдливых.
Друг! Не ищи меня в моих стихах пытливых.

В них рядом встретишь ты созвучья робких мук
И робких радостей, смесь веры и сомнений.
Я в сумерки веков рождён, когда вокруг
С зарёй пугливою боролись ночи тени.
Бывало, чуть в душе раздастся песни звук,
Как слышу голос злой: «Молчи, поэт досужный!
И стань в ряды бойцов: слова теперь ненужны».

Ты лгал, о голос злой! Быть может, никогда
Так страстно мир не ждал пророческого слова.
Лишь слово царствует. Меч был рабом всегда.
Лишь словом создан свет, лишь им создастся снова.
Приди, пророк любви! И гордая вражда
Падёт к твоим ногам и будет ждать смиренно,
Что ты прикажешь ей, ты – друг и царь вселенной!

Утешение

Оно не в книгах мудреца,
Не в сладких вымыслах поэта,
Не в громких подвигах бойца,
Не в тихих подвигах аскета.

Но между тем, как скорби тень
Растёт, ложась на всё святое, –
Смотри: с востока, что ни день,
Восходит солнце золотое.

И каждый год цветёт весна,

Не зная думы безотрадной,
И, солнца луч впивая жадно,
Спешат на волю семена.

И всходы тайной силой пучит,
И вскоре листья рождены,
И ветер ласковый их учит
Шептать название весны.

Душа свершила круг великий.
И вот, вернувшись к детским снам,
Я вновь, как праотец мой дикий,
Молюсь деревьям и звездам.

Быть может, мир прекрасней был когда-то...

Быть может, мир прекрасней был когда-то,
Быть может, мы отвержены судьбой.
В одно, друзья, в одно я верю свято,
Что каждый век быть должен сам собой.
Нет, за свою печаль, свою тревогу
Я не возьму блаженства прошлых дней.
Мы, отрицая, так же служим богу,
Как наши предки – верою своей.
Пускай мы пьем из ядовитой чаши.
Но если бог поставил миру цель,
Без нас ей не свершиться. Скорби наши –
Грядущих ликований колыбель.
Мои сомненья созданы не мною,
Моя печаль скрывается в веках.
Знать, вера предков родилась больною
И умереть должна у нас в сердцах.
Из рук судьбы свой крест беру смиренно,
Сомнений яд хочу испытать до дна.
Лишь то, чем мы живём, для нас священно –
И пусть придут иные времена!

Поэту

Не до песен, поэт, не до нежных певцов!
Ныне нужно отважных и грубых бойцов.
Род людской пополам разделился.
Закипела борьба, – всякий стройся в ряды,
В ком не умерло чувство священной вражды.
Слишком рано, поэт, ты родился!

Подожди, – и рассеется сумрак веков,
И не будет господ, и не будет рабов, –

Стихнет бой, что столетия длился.
Род людской возмужает и станет умён,
И спокоен, и честен, и сыт, и учён...
Слишком поздно, поэт, ты родился!